

Анастасия Сычёва

ЧАС ПЕРЕД РАССВЕТОМ
ПРОКЛЯТИЕ ЭТАРИ
ПОД УГРОЗОЙ УНИЧТОЖЕНИЯ МИРА
ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВИНЫ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Анастасия Сычёва

Доказательства вины

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2017
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С95

Серия основана в 2011 году
Выпуск 258

Художник
А. Клепаков

Сычёва А. В.

С95 Доказательства вины: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 345 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2380-4

Казалось бы, все трудности позади: Арлион Этари лишился магических сил, Корделия вышла замуж за любимого, месть настигла предавших ее родственников... Но история еще не окончена, ведь у нее остался могущественный враг, который пойдет на все, чтобы уничтожить новоиспеченную королеву Вереантера. Он не учел только, что Корделия не станет безропотно ждать своей участи, а будет бороться за свое счастье, свою любовь и свободу. К тому же теперь у нее появился таинственный союзник...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сычёва А. В., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2380-4

ПРОЛОГ

— Я так понимаю, отказаться мы не можем? — недовольно осведомился маг в фиолетовом балахоне.

Вортон, декан боевого факультета Адэрской академии магов, откинулся на спинку стула и, вздернув иронично бровь, посмотрел на своего заместителя.

— Раз ты такой смелый, откажись сам, — предложил он. Недовольство Лэшела было ему прекрасно понятно, но Кириан уже принял решение, так что спор не имел никакого смысла. — И потом, как ученица она была не так плоха. Я бы даже сказал, что из всех своих однокурсников она одна из самых одаренных.

— Она Этари, Вортон! Да к тому же трейхе!

— А еще она королева, — раздраженно отозвался декан, которому начал надоедать этот разговор. — Мы не можем исключить ее, когда за ней стоит весь Вереантер! У нас нет на то никаких формальных причин, поэтому разговор окончен. Если тебя это слегка утешит, никто из преподавательского состава не в восторге. Да и приедет она только через пару недель.

— Но мы же в Аркадии, а не в Вереантере! И, вообще, с каких пор Кириан идет на поводу у архивампира?!

— В конце концов, им удалось остановить Арлиона Этари, — напомнил Вортон. — Кириан посчитал, что после такого мы не вправе отказать Корделии Вереантерской и дальше учиться в нашей академии.

Лэшел шумно выдохнул, но аргументов у него больше не было, и он в раздражении отвернулся к окну. Глядя на своего заместителя, которому на вид было невозможно дать больше

двадцати пяти лет и который в этот момент больше всего походил на сердитого мальчишку, а не на магистра боевой магии, Вортон только вздохнул. Он сам был очень удивлен, когда пару дней назад архимаг Кириан сообщил ему, что новая вереантерская королева изъявила желание продолжать обучение в академии — можно подумать, на троне ей больше заняться нечем! — и что он, ректор, согласился. Еще больший шок он испытал, когда узнал, что студентка его факультета, регулярно находившая неприятности на свою голову, оказалась внучкой столь печально известного архимага Арлиона Этари. Впрочем, новость о том, что студентка Батори — на самом деле трейхе Этари, всколыхнула только преподавателей-мужчин. Вся женская половина магистров последний месяц была занята обсуждением, как какая-то девица без роду без племени (И наплевать, что она бывшая принцесса! Все равно же незаконнорожденная!) смогла охмурить короля и женить его на себе и какие еще неженатые особы королевской крови остались в соседних странах. На то, что король — это расчетливый архивампир, от которого все трезвомыслящие люди с нормальным инстинктом самосохранения должны бежать без оглядки, всем этим преподавательницам было совершенно наплевать. И кто этих женщин только поймет?..

Лэшел продолжал созерцать что-то за окном, и Вортон, заинтересовавшись, что его там так увлекло, сам поднялся из-за письменного стола в своем кабинете и тоже подошел к окну. Стояли последние летние дни, и двор академии снова наполнился возвращающимися с каникул студентами. Ему уже сообщили о паре дуэлей и одной драке без применения магии между темными и светлыми магами с разных факультетов, но сейчас после долгого затишья эти привычные стычки не вызывали обычного раздражения.

— А что у нас с факультетом некромантии? — вдруг спросил Лэшел, найдя в себе силы переключиться на другую тему. — Кто теперь будет деканом?

Вортон поморщился, как будто у него вдруг заболели зубы. Сложность заключалась в том, что ныне покойный Танатос был единственным сильным и одаренным некромантом на факультете и найти ему замену оказалось неожиданно

трудно. Те некроманты, которые преподавали в академии, по части способностей были так себе, серединка на половинку, и никто из них не подходил для такой должности. Ректор Кириан это прекрасно понимал и потому обратился к своему заместителю с просьбой связаться с темным Советом магов и порекомендовать кого-нибудь оттуда. Конечно, Совет с готовностью откликнулся — ему всегда было приятно, когда независимые академии и школы магии обращались к ним за помощью — но вот предложенный ими кандидат... внушал определенные опасения.

— Совет пообещал прислать магистра Леннокса, — наконец нехотя сообщил Вортон.

Заместитель наконец-то оторвался от окна и изумленно уставился на него, с такой скоростью мотнув головой, что закачался коготь мантара в длинной серьге.

— Леннокса?! Они что, издеваются?

Вортон неопределенно пожал широкими плечами, а Лэшел, поглядев в течение нескольких секунд на начальника, убедился, что тот не шутит. Ну что за день такой! Мало того что у них в академии будет учиться Этари, так еще и это!

— Он же сумасшедший! И последние лет девяносто прожил отшельником! Как его можно поставить на пост декана факультета?!

— Зато он великолепно разбирается в боевой некромантии и не стал архимагом только потому, что сам не захотел. К тому же, по словам Совета, у них сейчас нет других некромантов, которым хотелось бы отправиться в Адэр, вот и пришлось взять того, кто согласился. Хотя я не исключаю, что темные маги сделали это только для того, чтобы позлить Кириана.

Вортон замолк, но Лэшел без слов понял, как должно было закончиться высказывание магистра — «но это уже проблемы самого Кириана». Мысленно усмехнувшись, молодой магистр мимоходом заметил:

— Веселый нам предстоит в академии год...

Часть первая УДАР В СПИНУ

And what is good and what is bad, I sometimes
just don't know...

*Gamma Ray. Real World*¹

ГЛАВА 1

Взмах, выпад. Металлический звон от столкновения клинков друг о друга. Мастерски поставленный противником блок оказался настолько жестким, что у меня загудела рука и пришлось срочно уходить в защиту, чтобы не сдать позиций. Мой противник тем временем попытался развить преимущество и начал теснить меня назад, но хитрым обманным ударом, которому меня обучил Грейсон, я вынудила своего оппонента на полсекунды отвлечься и попыталась его обезоружить, но он быстро сконцентрировался и отбил мою атаку. Все эти выпады были настолько быстрыми, что неподготовленный наблюдатель мог видеть только вспышки света на клинках. И — за все это время не прошло и десяти секунд — вот мы снова кружим друг напротив друга, выискивая брешь в обороне противника. Весь окружающий мир сузился до небольшой площадки, на которой проходил поединок, и я не видела ничего, кроме двух длинных тонких клинков напротив себя, на блестящих лезвиях которых бликовал солнечный свет.

— Ваше величество! — посторонний голос ворвался в мое сознание так внезапно, что я, растерявшись, вздрогнула и моргнула. Этим не преминул воспользоваться высший вампир и одним плавным, текучим движением метнулся в мою сторону, одновременно нанося удар. Сард вылетел из моей правой руки и приземлился у кустов, отделявших покрытую гравием площадку от газона, а мой противник завершил поединок, поставив мне простейшую подножку, так что я самым

---

¹ И что хорошо, а что плохо, иногда я просто не знаю... *Гамма Рэй. Реальный мир.* — *Здесь и далее перевод авт.*

позорным образом упала на землю. Невысокая вампирша, появившаяся в поле зрения только что и из-за которой я и проиграла схватку, ойкнула и прижала ладонь ко рту, придя в ужас от такого обращения с королевской особой, а затем неодобрительно посмотрела на Люция Эртано, а он, несколько не смутившись, опустил оружие.

— На посторонних во время схватки... — наставительным тоном начал он, не обращая никакого внимания на вампиршу, которая все никак не могла определиться, что ей делать — помочь подняться мне или дать резкую отповедь Люцию, который поднял оружие на королеву, как только она отвернулась.

— ...Отвлекаться нельзя, — со вздохом закончила я за него предложение и без посторонней помощи поднялась на ноги. — В чем дело, леди Амелл?

Гофмейстерина, к которой я обратилась, отвлеклась от Люция и присела в низком реверансе, так что подол лилового платья лег на землю.

— Прошу прощения, ваше величество, но совещание закончилось, и через сорок пять минут подадут обед. Распорядиться перенести его еще на пятнадцать минут?

— Нет необходимости, — торопливо сказала я, прикинув в уме, сколько времени у меня уйдет, чтобы вымыться, переодеться и причесаться. Если очень постараться, за сорок пять минут вполне можно успеть. — Люций, тогда на сегодня все, поскольку сейчас мне предстоит обед с шартарской делегацией. Леди Амелл, вы не знаете, Адриан уже вернулся?

— Нет, его величества до сих пор нет. Мадам, вы уверены, что успеете?.. — Вампирша окинула мою запыленную одежду сомневающимся взглядом и вздохнула, когда я у нее на глазах совсем некоролевским жестом отерла пот со лба.

— А если не успеет, гости подождут, — иронично добавил Люций, убирая свои сарды в ножны и протягивая мой, выбитый у меня из рук минутой ранее. — Хотя и говорят, что точность — вежливость королей.

Я бегло улыбнулась и, подхватив перевязь с оружием, быстрым шагом направилась к дворцу. Гофмейстерина, подобрав пышные юбки, бросила на Люция последний настороженный взгляд и поспешила следом за мной.

Лето закончилось всего несколько дней назад, но теплая пора еще не уступила место осенним холодам и дождям, хотя жара уже спала. В дворцовом парке сейчас было особенно хорошо: над головой синело небо, солнечный свет лился на темные хвойные деревья, траву и клумбы с поздними цветами, вода в фонтанах блестела и журчала по-летнему бодро, а воздух был прохладен и свеж. День выдался настолько удачный, что мы с Люцием решили провести тренировку не в зале для поединков во дворце, а вышли на улицу и углубились в парк, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, которое во дворце было неизбежным. Легкость, с которой гофмейстерина нас нашла, и отсутствие какого-либо удивления с ее стороны подтверждали, что наши тренировочные бои ни для кого не остались тайной.

Пожалуй, эти тренировки и предшествующий им приезд Люция были самыми лучшими событиями за те две недели, которые прошли после нашего возвращения из Валенсии. Судя по тому, что мой учитель появился во дворце в Бэллimore буквально неделю спустя после того, как Адриан предложил ему должность моего телохранителя, раздумывал он недолго. Сразу после его прибытия моя вооруженная охрана испарилась как по мановению волшебной палочки, а Люций стал моей постоянной компанией, и его присутствие было мне намного приятнее, чем отряд маячивших перед глазами охранников. Возобновились и наши ежедневные тренировки, которые очень радовали меня. Адриан не был против моих занятий, но они приводили в замешательство весь двор. Мало того что государственный преступник, о котором несколько десятков лет никто ничего не слышал, неожиданно был помилован, так еще его приставили к королеве, и он очутился в непосредственной близости от короля, которого когда-то пытался убить... Откуда такое доверие?

Впрочем, сам Люций оставался совершенно равнодушен к шепоткам за спиной, он и в Дионе всегда был белой вороной, и возвращение на родину вряд ли его изменило. Но мне казалось, что здесь, в Вереантере, ему было приятнее находиться, чем среди людей в Валенсии, а мой собственный опыт показывал, что должно пройти какое-то время, чтобы окружаю-

щие к тебе привыкли и перестали воспринимать в штыки. Сам Люций продолжал видеть себя не только в роли моего охранника, но, главное — моего учителя, и в первое же утро после своего возвращения поймал меня, когда я шла из спальни в столовую, и строго осведомился, почему я забросила тренировки, а потом утащил в зал для поединков. Прислуге пришлось объявить, что с этого дня я завтракаю на полтора часа позже, Адриан посочувствовал, когда я ему вечером пожаловалась на гудящие и ноющие мышцы, а потом непринужденно заметил, что Люций все сделал правильно. Первые несколько дней превратились в пытку — за прошедшие три месяца я отвыкла от регулярных тренировок, которые к тому же стали намного жестче по сравнению с нашими поединками в академии с Кейном — но со временем стало уже полегче. Кстати, сегодняшнюю тренировку пришлось перенести на середину дня из-за утренней встречи делегации из Шартара, и весь день был расписан по минутам.

Мы с леди Амелл свернули с боковой дорожки на центральную аллею и зашагали к дворцу, причем я шла быстро, и невысокой вампирше приходилось чуть ли не бежать, чтобы не отставать. Двое стражников у дверей склонили головы при моем появлении, и мы стремительно пролетели мимо них в холл.

— Ваше величество, завтра собирается благотворительный комитет герцогини Шеффер, где будут обсуждать, какие заведения в этом году нуждаются в пожертвованиях в первую очередь. Стоит ли предупредить герцогиню о вашем присутствии?

— Я не поеду, леди Амелл, — рассеянно отозвалась я, не считая нужным останавливаться и объяснять свое решение. О встрече благотворительного комитета, куда входили все самые знатные дамы Бэллимора и считавшегося своеобразным женским клубом, невероятно престижным, в который невозможно было попасть, не обладая громким титулом и солидным богатством, гофмейстераина заговаривала не в первый раз. Мне же было прекрасно известно, что «заседания» подобных комитетов длятся по несколько часов и из них самое большее — полчаса уходит на решение финансовых вопросов, а

остальное время аристократки обсуждают последние новости из жизни знати. Поэтому я воспользовалась разрешением Адриана не заниматься тем, что мне не нравится, и сразу заявила леди Амелл: «Дамы прекрасно проведут встречу и без меня». Но гофмейстерина не теряла надежды все же привлечь меня к придворной жизни и продолжала поднимать эту тему в разговоре.

— Но все вереантерские королевы всегда занимались благотворительностью и входили во многие комитеты...

Высокий узел на голове вампирши, в который были собраны светло-рыжие волосы, укоризненно качнулся.

— Прямо все? — против воли мне стало любопытно. — И Исабела тоже?

У меня почему-то сложилось впечатление, что мать Адриана не любила подобные мероприятия, да и праздная жизнь придворных ее никогда не привлекала. Или я ошибалась?..

Леди Амелл несколько секунд молчала и с неохотой признала:

— Ее величество формально входила в благотворительный комитет, но никогда не присутствовала на его собраниях.

— Вот и отлично, — удовлетворенно улыбнулась я. — В таком случае герцогиня Шеффер может после своего заседания сообщить мне, на что они решили жертвовать деньги, и, если меня это устроит, я распоряжусь, чтобы казначей выдал комитету нужную сумму.

Сбоку послышался явственный тяжелый вздох, а потом леди Амелл вынужденно кивнула:

— Как вашему величеству будет угодно.

За это время мы дошли до королевского крыла, и там я отпустила гофмейстерину. Вампирша, тихо шелестя юбками, направилась к лестнице, а я, взглянув на ее удаляющуюся спину, в который раз удивилась, как мало эта дама была похожа на гофмейстерину. В моем представлении о старшей по званию даме двора, следившей за порядком и соблюдением правил, навсегда закрепился образ высокой костлявой женщины средних лет, искренне ненавидящей любые проявления живых чувств и малейшие отступления от протокола. Невысокая пухлая леди Амелл отличалась нетипичной для вам-

пиров внешностью, противоречащей занимаемой ею должности. Впрочем, как это часто бывает, внешность оказалась обманчивой и двором эта милостивая вампирша заправляла вполне уверенно. Сейчас она очень активно пыталась втянуть в эту жизнь и меня, действуя убеждением и уговорами, но я держалась и уступать позиций не собиралась. Да и недолго осталось терпеть: буквально через неделю я должна была вернуться в академию, и потому дворцовая жизнь беспокоила меня мало.

Как выяснилось, в том, что я всячески избегала придворных, была и оборотная сторона: с самого нашего возвращения из Валенсии у меня появилась масса свободного времени, и я никак не могла придумать, чем мне его занять. Когда Арлион лишился своих сил, наша самая главная проблема пропала и можно было немного расслабиться. Все мероприятия, связанные с моим замужеством, на ближайшее время были завершены: балы с представлением состоялись, свадьба прошла, а коронацию было решено провести через несколько месяцев. Адриан днем всегда был занят, Оттилия и Кейн наслаждались обществом друг друга, остальные мои друзья вернулись в Госфорд, и я почти все время была одна. Оценив свое нынешнее положение и обдумав его со всех сторон, я отправилась к Адриану с просьбой отпустить меня учиться дальше в академию. В конце концов, Арлион больше не являлся угрозой, и можно было не опасаться, что кто-то из преподавателей захочет принести меня в жертву. Почему-то мужа совсем не удивили мои слова, и он хотя и неохотно, но поговорил с ректором Кирианом. Архимага удивило неожиданное стремление королевы к знаниям, но видимых причин для отказа не было, ведь я по-прежнему официально считалась студенткой академии. Однако он честно предупредил, что преподавателям уже известно, что я Этари, и потому могут возникнуть осложнения. Еще пару дней мы с Адрианом спорили — он отговаривал, я стояла на своем — но в итоге он согласился отпустить меня, однако только в компании Люция, который должен будет сопровождать меня в роли телохранителя. Этот вариант устроил всех, в том числе и Кириана. Так что, пусть и с небо-

льшим опозданием, мое обучение на боевом факультете должно было продолжиться.

Отмокнув в течение пятнадцати минут в ванной, я магией высушила волосы, а затем Сюзанна с совершенно нечеловеческой скоростью помогла мне одеться в пышное платье со шнуровкой — хорошо хоть без шлейфа! — и занялась моими волосами. Наблюдая в зеркале за тем, как у меня на глазах спутанная копна кудрявых волос превращается в прическу, я только уважительно покачала головой. И кто только догадался, что мне нужна именно такая камеристка, способная привести меня в приличный вид менее чем за полчаса?

Последним штрихом к моему наряду стала жемчужная парюра, включавшая в себя ожерелье, браслет, кольцо и заколки. Помолвочное кольцо с изумрудом пришлось оставить, поскольку оно выбивалось из общей картины.

Едва я покинула королевское крыло, как ко мне сзади пристроился Люций, успевший за это время привести себя в порядок, а на первом этаже к нам снова присоединилась леди Амелл. В тот момент я впервые оценила мастерство и такт гофмейстерины — хоть я и продолжала идти впереди, каким-то образом она умудрялась корректировать наш маршрут, так что наша группа неожиданно вышла к одной из многочисленных столовых, которую я своими силами ни за что бы не нашла. Она примыкала к гостиной, из которой доносились мужские голоса, неторопливо что-то обсуждавшие. Едва мы вошли, как все присутствующие отвлеклись от разговора и поприветствовали меня вежливыми поклонами.

— Добрый день, господа. — Я улыбнулась и кивнула гному в дорогом камзоле, в котором распознала главу шартарской делегации, которую встречала утром. Ростом гномы были мне по грудь, так что все время приходилось нагибать голову, чтобы видеть лица гостей. — Благодарю вас всех за терпение. Теперь, надеюсь, вы согласитесь сделать перерыв в переговорах и пообедать? Я бы не отказалась послушать о том, что сейчас происходит в Гранахе!

— Почтем за честь рассказать вам, ваше величество, — склонив голову, заверил меня гном, а материализовавшийся сбоку от меня словно ниоткуда Александр фон Некер учти-

вым жестом предложил мне руку, чтобы проводить в столовую. За моей спиной кто-то так же предложил руку гофмейстерине, и вся процессия, состоявшая из пяти гномов, а также вереантерских министров промышленности, экономики и иностранных дел последовала за нами в соседнюю комнату.

— Ну как? — тихо спросила я Александра, пока нас никто не мог услышать.

— Никак, — так же тихо ответил он и на секунду недовольно поморщился. — Уперлись и стоят намертво. Сомневаюсь, что нам удастся что-то изменить.

Гномы являлись одними из покупателей добываемого в Кэллахиле адамантия и с самого начала горных разработок в этой местности вели торговые дела с Валенсией. Переход области от одной страны к другой был для всех государств материка совершенно неожиданным, и резонно было предполагать, что центр торговли должен сместиться с привычных позиций. Гномы отреагировали на случившееся быстрее всех и объявили Вереантеру, что желают и дальше покупать адамантий, а по сему случаю готовы обговорить условия. Их посольство прибыло сегодня утром, и мы с Адрианом его встретили, но на переговоры архивампир не остался и на обеде не присутствовал — из гномов в Бэллимор приехали только министр торговли, министр экономики и несколько дипломатов. Ни одного члена гномьей королевской семьи с ними не было, и вереантерский король с чистой совестью предоставил проводить встречу министрам-вампирам, а меня попросил присутствовать на обеде. На это я согласилась сразу: дипломатические переговоры — это вам не собрание благотворительного комитета с пересудами о том, кто в последнее время выгодно отдал дочь замуж, кого еще из вампирш можно пригласить в комитет и что за подобную честь можно от нее потребовать.

Сам Адриан отсутствовал на обеде вовсе не из-за королевского снобизма. Сразу после встречи гномов он в компании Дориана и отряда солдат отправился порталом в Ферману — главный город одной из северо-восточных провинций Вереантера, где три недели назад вспыхнул мятеж. Пока мы были заняты Арлионом и попытками его остановить, даже не дога-

дывались о происходящем, поскольку местные власти рассчитывали справиться своими силами. Но дней десять назад там были убиты градоначальник и вся его семья, и на несколько дней в Фермане воцарилась полная анархия, пока из столицы не был направлен новый наместник. Самое странное заключалось в том, что не была понятна причина смуты — никаких массовых шествий не проводилось, требований не выдвигалось, да и анархия не могла возникнуть просто так — должен быть кто-то, способный подстрекать местных жителей к беспорядкам. А пару дней назад было совершено покушение на нового наместника. Через разговорный амулет добиться от растерянного и легко раненного вампира внятного ответа оказалось сложно — из его слов только следовало, что в его квартиру на втором этаже ратуши ворвались неизвестные в масках, назвавшиеся «восстановителями справедливости», без уточнения, какую именно справедливость они собрались восстанавливать, и попытались убить нового представителя власти, но, к счастью, вовремя вмешалась стража, и убийцам оставалось только сбежать с места событий. Выслушав это сообщение, Адриан переглянулся с герцогом фон Некером и Дорианом и объявил, что поедет разбираться сам.

И вот он уехал, а я осталась играть роль хозяйки на обеде.

Отвлечшись на эти мысли, я пропустила момент, когда разговор снова плавно перетек на алмаз — насколько я поняла, суть проблемы заключалась в том, что гномы покупали его у Валенсии по определенной цене, которая за годы менялась не слишком сильно, и металл шел в Шартар давно сложившимся маршрутом через территорию Валенсии. Чтобы поставлять его туда же, но через Вереантер, было необходимо проложить новый маршрут, а это не так-то легко сделать, если вспомнить неудачное расположение Кэллахила — он представлял собой своеобразную чашу, почти целиком окруженную горами. Впрочем, кое-какие идеи у вампиров были, однако путь тогда получился бы сложным и местами опасным. В общем, проблема была проста: вампиры настаивали на повышении цены за металл, упирая на возникшие сложности при его транспортировке, гномы же наотрез отказывались платить больше. За обедом обе стороны продолжали обмени-

ваться вежливыми замечаниями, пытаюсь склонить чашу весов в свою пользу, но переговоры уже давно зашли в тупик. Я говорила мало и только с интересом наблюдала за происходящим — мне было хорошо известно, как сложно бывает иметь дело с надменными вампирами, но гномы держались вполне достойно.

— Но подумайте о риске, с которым сопряжена транспортировка! — настаивал министр иностранных дел лорд фон Виттен, который до этого момента негромко общался с Александром, а сейчас, видимо, не выдержал. Этот высший вампир с моноклем в глазу и каким-то рыхлым белым лицом не слишком мне нравился, но, как я слышала, свою должность он занимал благодаря собственным талантам, а не чьей-то протекции. Кстати, именно его помощником был Александр фон Некер. — На пути караванов будет не менее трех опасных участков! Трех! Подумайте, что будет им угрожать — дикие звери, слишком крутые горные дороги, где повозки не проедут! А зимой? Конечно, понадобится проложить новую дорогу!

— Однако раз с этой задачей в свое время справились валенсийцы, значит, справятся и вампиры, — резонно возразил ему один из гномов, министр экономики. В отличие от своих собратьев он единственный из всех был гладко выбрит, в то время как у остальных были шикарные бороды.

— Но дорога на территории Валенсии проходит преимущественно по равнинной местности, а здесь по горной... — не успокаивался министр иностранных дел, решивший твердо не сдавать позиций.

— Боюсь, милорд, цена, которую требует Вереантер, слишком велика, чтобы Шартар мог на нее согласиться, — невозможно откликнулся гном. Его спутники с умным видом покивали.

Я перевела взгляд с невозмутимых гномов на не менее невозмутимых вампиров и, подумав, решила вмешаться.

— Правильно ли я поняла, господа, что самой главной проблемой, с которой мы столкнулись, являются трудности транспортировки? Что через Вереантер нет безопасного пути?

— Верно, ваше величество, — подтвердил Александр, взглянув на меня с проблеском интереса.

— Раз нет безопасного пути через земли вампиров, надо использовать те земли, где он есть, — рассеянно заметила я, отпивая из бокала вино.

Несколько секунд в столовой было тихо, даже приборы перестали стучать о фарфор. За последние два месяца я уже успела заново привыкнуть к множеству взглядов, направленных на меня одновременно, и сейчас продолжала вежливо улыбаться.

— Вы говорите про Валенсию? — наконец спросил вереантерский министр промышленности, чье имя вылетело у меня из головы. Лорд фон Виттен дернул цепочку, и монокль очутился у него в руках.

— А почему нет? — пожала плечами я. — Наверняка же можно предложить что-то Валенсии, чтобы она согласилась пропускать вереантерские караваны через свою территорию. Насколько я помню, два года назад Валенсия была крайне заинтересована в том, чтобы продавать Шартару цветные металлы, добываемые на востоке страны, но дальше переговоров дело тогда так и не зашло, поскольку стороны не смогли договориться об условиях. Возможно, сейчас Шартар мог бы пойти на некоторые уступки.

Министр экономики, тот самый безбородый гном, вперил в меня цепкий, пристальный взгляд.

— Но почему, ваше величество, на уступки должен идти Шартар, если проблемы с транспортировкой возникнут у Вереантера?

Я пожала плечами и невозмутимо сложила руки на коленях.

— Потому что гномы не менее заинтересованы в покупке адамантия, чем вампиры — в его продаже. Вереантеру и так придется приложить определенные усилия, чтобы обеспечить караванам надежную защиту, ведь в Валенсии наверняка найдутся те, кто захочет эти караваны присвоить себе без нашего на то согласия. А так цены на металл останутся прежними, но обе стороны приложат свои силы к тому, чтобы эта торговля осуществлялась.

Гном продолжал внимательно смотреть на меня, обдумывая мои слова, и я замерла на месте, не отводя взгляда, чтобы

не сбить его с мысли. Вампиры сидели и напряженно ждали исхода диалога. Гофмейстерина теребила в руках салфетку, Александр по очереди рассматривал лица гномов, фон Виттен застыл на месте, позабыв о монокле, который продолжал держать в руке. Гномы переглянулись, и наконец министр экономики задумчиво сказал:

— Возможно, ваше величество, вы правы. Подобное можно было бы реализовать, но остается единственный вопрос... Согласится ли Валенсия?

Мы с Александром переглянулись, и я прочла на его лице ту же мысль, которая посетила и меня. Даже если не принимать во внимание предложение о торговле с Шартаром, которая занимала отца в мою бытность валенсийской принцессой, после всего случившегося, когда Валенсия осознала, как близка была к новой войне с Вереантером, она на многое согласится, лишь бы не попасть снова в подобную ситуацию. Так что сложностей возникнуть не должно, а это означает, что соглашение с Шартаром будет подписано.

ГЛАВА 2

После обеда мы все переместились обратно в гостиную, где еще минут двадцать продолжалась вежливая беседа ни о чем, но невооруженным глазом было видно, что политикам не терпится вернуться к делам и обсудить детали, хотя теперь в переговорах должна была появиться третья сторона — Валенсия. Но дальше они уже справятся без моего участия, я только предложила им способ решения. Так что не прошло и получаса, как и вампиры, и гномы очень вежливо извинились передо мной и удалились в зал совещаний. Александр на несколько секунд задержался у софы, на которой сидела я, и, пока вампиры выходили из гостиной, вполголоса заметил:

— Это было великолепно.

Я польщенно улыбнулась. С братом Оттилии мы были знакомы уже достаточно долго, чтобы можно было поверить в искренность его слов.

— Думаете, они согласятся?

— Они — да, а вот Валенсия... Насколько им была нужна эта торговля металлами?

— Сейчас, когда Кэллахла она лишилась, еще сильнее, чем раньше, — без сомнений отозвалась я. — Им же надо восстанавливать источники дохода.

Фон Виттен покинул гостиную одним из последних, и Александр, чтобы не привлекать внимания, поклонился мне и вышел следом. Мы с гофмейстериной остались вдвоем, и я, не желая вступать в очередную дискуссию по поводу благотворительного комитета, объявила, что пойду к себе. Леди Амелл, чей задумчивый изучающий взгляд я ловила на себе последний час — кажется, вампирша не ожидала, что я ни с того ни с сего полезу в политику — отреагировала на мои слова с небольшой заминкой. Не давая вампирше опомниться, я вышла в просторный коридор и успела заметить краем глаза, как леди Амелл встrepенулась и устремилась следом за мной. Она догнала меня, когда я успела дойти почти до конца коридора, и уже хотела что-то мне сказать, но тут внезапно мы столкнулись с двумя дамами, появившимися из-за угла. Ковровая дорожка, протянувшаяся через коридор, заглушала шаги, и я не слышала их приближения. Обе женщины были вампиршами, причем из высшего общества — от блеска украшавших их драгоценностей у меня зарябило в глазах. Мое внимание в первый момент привлекла лишь одна из них, та, которая была постарше своей спутницы: по ее лицу сразу становилось понятно, что она привыкла, когда ей подчиняются. Секунду ее черты выражали раздражение — кто-то встал у нее на пути — и дама уже набрала воздуха в грудь, чтобы выразить свое возмущение, но затем с торопливостью, которая наверняка не соответствовала ее высокому положению, закрыла рот, а на лице появилось выражение самой искренней любезности. Узнала, поняла я.

— Приносим свои извинения, ваше величество, — медовым голосом пропела она, и от прозвучавшей в нем приторности меня едва не передернуло. — Нам нет прощения.

— Все в порядке, — отозвалась я, еще не придя в себя от столь резкой смены масок и поведения и рассматривая высшую вампиршу. Среднего роста, так что я смотрела на нее

сверху вниз, подчеркнуто молода — гладкая кожа, пухлые алые губы, очень длинные ресницы, блестящие светлые волосы, ровные дуги бровей, тонкая талия... По отдельности каждая деталь была настолько идеальной, что не возникало никакого сомнения в полной искусственности облика в целом. Сколько ей лет на самом деле — не меньше сотни?

— Ваше величество, позвольте представить вам герцогиню Евгению Шеффер, — чопорно произнесла леди Амелл, но от меня не укрылась торжествующая нотка в ее голосе. Она что, правда думает, что герцогине удастся убедить меня присутствовать на собрании? Затем гофмейстерина почему-то на секунду запнулась и с заминкой закончила: — И леди Элис Мальдано.

— Для нас огромная честь познакомиться с вами, ваше величество, — поток меда усилился, и я посмотрела на герцогиню с некоторым удивлением. — И я не могу не воспользоваться столь благоприятным случаем и не спросить вас — почтите ли вы завтра своим высочайшим присутствием наше скромное собрание?

«Ну, скромным это собрание точно не назовешь», — подумала я, разглядывая на герцогине тяжелое золотое ожерелье с россыпью рубинов, каждый из которых был размером с голубиное яйцо. Интересно, как эта вампирша не сгибается под его тяжестью? Пауза затянулась, и на лице герцогини Шеффер отразилось мимолетное беспокойство. Заинтересовавшись, я прислушалась к эмоциям аристократки — та была не слишком способным магом и не умела ставить магический щит — и уловила в них привычную неприязнь, смешанную с беспокойством. Похоже, гофмейстерина зазывала меня в этот комитет только потому, что это считалось правильным, в то время как его глава вовсе не желала моего присутствия, поскольку я могла создать некоторую угрозу ее власти, ведь мое мнение невозможно было бы проигнорировать. Что ж, герцогиня, наши желания здесь сходятся.

— Я считаю благотворительность очень важной, — беспокойство в эмоциях герцогини Шеффер усилилось, — но собрание пройдет без меня. Уверена, благотворительный комитет находится в очень надежных руках.

— О, ваше величество, вы очень добры! — вскричала Евгения, а затем печально склонила голову. — Мне так жаль, что вас там не будет.

Судя по эмоциям герцогини, в этот момент ей больше хотелось запеть от радости, но я не стала ей об этом говорить. Весь этот фарс начал мне надоедать, и я уже хотела вернуть на свое сознание ментальный щит и продолжить путь, как внезапно меня окатило волной чужой ненависти — искренней, горячей. Не ожидая ничего подобного, я едва не споткнулась, а потом перевела взгляд на спутницу герцогини, на которую до этого момента не обращала внимания. Она была высокой — одного роста со мной — и молодой, намного моложе Евгении. Густые темные вьющиеся волосы обрамляли бледное привлекательное лицо, и именно оттого, что оно не было настолько идеальным, как лицо герцогини, эта женщина показалась мне гораздо более красивой, чем Евгения. Заметив, что я на нее смотрю, вампирша постаралась придать лицу приветливое выражение, но у нее ничего не вышло, и острая неприязнь в ее глазах так и не пропала. Впрочем, по сравнению с ненавистью, исходившей от нее в данный момент, леди Мальдано неплохо держалась.

Так, и откуда она вообще взялась? Ее ненависть — это не привычная нелюбовь вампиров к Этари вообще и наглой выскочке, в одночасье ставшей королевой, в частности. Тогда что? Арлион лично убил всю ее семью во время Кровавой войны? Или ее чувства направлены только на меня?

Да и леди Амелл почему-то запнулась, представляя ее. Почему?

Вампирши ушли своей дорогой, а мы с гофмейстериной направились дальше, причем она больше не пыталась заговорить. Я уже подумывала о том, чтобы расспросить ее об этой леди Мальдано, но, когда мы вышли в просторный холл и подошли к лестнице, из противоположного коридора возник мажордом в золоченой ливрее. Вот как этому низшему вампиру удастся всегда держаться так, будто он принц крови, а окружающие — просто пыль под ногами?

— Ваше величество, леди фон Некер и граф Кэллахил просят вашей аудиенции, — объявил он так торжественно, словно

со мной захотел встретиться верховный жрец богини Хель. — Вам будет угодно их принять?

Граф Кэллахил — это новый титул Кейна, который Адриан пожаловал ему полторы недели назад. Титул чисто номинальный, он лишь придавал имени новообращенного низшего вампира определенную значительность, благодаря которой он теперь мог спокойно жениться на дочери герцога. Интересно, когда произойдет это знаменательное событие? Кейн сделал Оттилии предложение на следующий же день после того, как стал графом, и та немедленно его приняла, но дату свадьбы пока не назначили. Насколько я понимала, родственники вампирши пребывали в некоторой растерянности от прыти дочери, которая долгое время оставалась совершенно равнодушной к вниманию поклонников и, возможно, именно поэтому мои друзья с венчанием решили не спешить. Может, сейчас они приехали как раз для того, чтобы сообщить дату?..

— Мы уезжаем из Вереантера, — сообщил Кейн, когда приветствия и объятия подошли к концу и мы все расселись у меня в будуаре. По сравнению с тем временем, когда маг был человеком, сейчас мне отчетливо бросалась в глаза его бледность, сменившая ровный летний загар, а когда Кейн улыбался, у него во рту можно было разглядеть удлинившиеся клыки, но больше никаких кардинальных перемен я в нем не заметила. Оттилия помогала ему освоиться в новой ипостаси, а, взглянув на подругу, я подумала, что еще ни разу не видела ее такой счастливой и довольной жизнью, как в последние две недели.

— Даже так? — удивилась я, не ожидая такого поворота, и перевела взгляд с одного на другую. — И куда вы поедете?

Продолжить обучение в академии Кейн уже не смог бы, поскольку темным магам путь на факультет целителей был заказан. Не в Госфорд же они собрались отправиться вдвоем?

— Мы поедem в Шалевию, — негромко сказала Оттилия. — Отправимся завтра с утра.

В тот момент у нее было очень серьезное лицо, из-за чего подруга внезапно стала казаться старше. Я сразу все поняла и взглянула на Кейна.

— Ты хочешь вернуться в свое имение?

— Сейчас самый подходящий момент для этого, — со вздохом отозвался он. — Однажды мне все равно пришлось бы вернуться. Да и надо бы сообщить моим родственникам, что я женюсь, и представить им невесту.

— А как же Госфорд? — с любопытством спросила я Оттилию.

— Ну... Не всю же жизнь мне размахивать мечом. Есть и более важные вещи. — Вампириша независимо тряхнула короткими волосами, и я едва не упала со стула. От Оттилии ли я только что услышала, что она готова сложить оружие и заняться чем-то другим? Да Катерина умерла бы от радости, если бы услышала сейчас свою дочь!

— Да и ты скоро отправишься в академию, так что будем поддерживать связь и дальше через зеркала-артефакты. Со скучиться не успеем, — пообещал Кейн, и я улыбнулась, чувствуя на душе легкую щемящую грусть. Все-таки последние два года мы почти все время были вместе, и все опасности и приключения встречали всемером, а теперь наши дороги расходятся...

Попрощавшись с друзьями, я вернулась в свои покои, где Сюзанна принялась вытаскивать заколки у меня из волос. Проворные руки легко порхали вокруг моей головы, а сама камеристка что-то напевала себе под нос. Бездумно глядя то на свое отражение в зеркале туалетного столика, то на Сюзанну, я вдруг подумала, что вот она бы смогла ответить на интересующий меня вопрос.

— Сюзанна, а ты знаешь леди Элис Мальдано?

Девушка в первый момент ничего не ответила, но от неожиданности так сильно дернула меня за прядь волос, что я поморщилась. Лицо у нее стало подчеркнуто-деловое, и подобная реакция была вполне убедительным ответом. Что же это за леди Мальдано такая, раз даже горничная не хочет отвечать прямо?

— Да, мадам, знаю, — наконец неохотно ответила она, откладывая в сторону последнюю заколку и беря в руки щетку для волос.

— И кто она? — Камеристка избегала смотреть мне в глаза и начала с повышенной старательностью расчесывать мне во-

лосы, и я сказала настойчивее, с приказными нотками: — Сюзанна!

— Она была женой одного лорда, но вот уже несколько лет вдова и живет при дворе. Муж оставил ей достаточно средств. И... — вампирша помялась и на одном дыхании выпалила: — В общем, с его величеством они были очень близки.

Вот как! Подобное предположение почему-то не пришло мне в голову, хотя у Адриана уж наверняка в свое время были фаворитки. Назвала же его Оттилия однажды сердцедом... Значит, у меня под носом неожиданно оказалась оскорбленная бывшая любовница, недовольная, что ее бросили? Неужели она рассчитывала, что будет как-то иначе?

— Еще совсем недавно при дворе ходили слухи, что леди Мальдано станет королевой, — совсем тихо добавила Сюзанна. — Она пользовалась множеством привилегий, которых не было ни у кого до нее... По крайней мере, я так слышала.

Позабыв о том, что камеристка занималась моими волосами, я вскочила на ноги — Сюзанна испуганно отпрянула, в последний момент отпустив мои волосы, — и в задумчивости прошлась по комнате. Сюзанна поспешно отступила к стене, чтобы не мешаться под ногами, и ее лицо скрыла тень, но я едва обратила на нее внимание. Вот только ревнивой разъяренной фурии, которая внезапно потеряла все свое влияние при дворе, мне не хватало для полного счастья. Недоброжелателей у меня и так достаточно, но с этой — мне вспомнилась та незамутненная ненависть, которую я почувствовала в эмоциях женщины, — станется и подсыпать мне яду в тарелку, и ударить кинжалом в спину. Как бы мне потактичнее отослать ее прочь из дворца? И не просто оставить в Бэллиморе, а отправить на какую-нибудь окраину страны, откуда она уж точно не вернется? А что? В конце концов, ну зачем ей оставаться при дворе, если окружающие смотрят на нее теперь не как на возможную королеву, а бывшую фаворитку, которой уже не на что рассчитывать? Пусть отправляется в Ферману, и, если мне повезет, там она попадется этим так называемым «восстановителям справедливости», и я о ней больше ничего не услышу... Да и Адриан, кстати, тоже.

Тут я сообразила, что размышляю, как любая ревнивая жена, которой не терпится избавиться от соперницы, и очень на себя рассердилась. Ну какая она мне соперница?

Или все-таки соперница?.. Сюзанна же сказала, что у Элис было множество привилегий — вряд ли Адриан ей это бы позволил, если ему было все равно...

Не то чтобы я испытывала серьезное беспокойство по этому поводу, но неприятный осадок все равно остался. Так бывает — вроде бы все хорошо, и беспокоиться не из-за чего, но все равно остается эта мерзкая мыслишка, от которой никак не удается избавиться: «А вдруг?..»

Адриан вернулся в тот день поздно. До вечера я была чем-то занята и даже приняла какую-то маркизу, которая просила моей аудиенции. Как выяснилось, она пришла похотатайствовать, чтобы ее младшего сына зачислили в королевскую гвардию. Я пообещала принять к сведению ее просьбу, а когда она ушла, обнаружила, что даже не помню имя посетительницы. Вечером леди Амелл попыталась затащить меня на ужин с очередной группой знатных дам, но я решительно отказалась и поужинала в одиночестве. Когда же мажордом сообщил мне, что отправившиеся в Ферману вампиры вернулись, за окном было уже совсем темно, но все равно прошло еще не меньше часа, прежде чем Адриан вошел в спальню, где я сидела в кровати с книгой. Вид у архивампира был уставший, и я хотела было вылезти из-под одеяла и подбежать к нему, но в последний момент внезапно остановилась. Что-то было не так. Помимо усталости на лице Адриана можно было разглядеть какую-то отчужденность, и шестым чувством я ощутила, что произошло что-то плохое. Что эта отчужденность была направлена на... меня.

— Удалось разобраться с Ферманой? — осторожно спросила я. — Вы из-за нее столько времени сейчас совещались?

— С Ферманой по-прежнему непонятно, но не в этом дело. — Только в этот момент я заметила у него в руке распечатанный конверт. Я уже хотела задать следующий вопрос, но тут он без какого-либо перехода спросил: — Корделия, как Арлиону удалось сбежать из дворца в Дионе?

В комнате повисла звенящая тишина, показавшаяся мне по-настоящему оглушительной. Благодаря тому, что почти всю свою жизнь я провела в высшем обществе, где без лицемерия было бы не выжить, я умела владеть собой и выкручиваться из неприятных ситуаций. Я могла бы сейчас изобразить недоумение, злость, растерянность... Но не смогла. Адриан продолжал смотреть мне в глаза — в неярком свете магических светильников его взгляд показался мне особенно пронзительным — и у меня язык не повернулся солгать. Вместо этого я продолжала молчать, упуская шанс на спасение, и он сразу все понял.

— Откуда ты узнал? — выдавила я, чтобы хоть чем-то нарушить эту тишину.

Не сдвинувшись с места, Адриан протянул мне конверт, и я поднялась с кровати, подошла к архивампиру и взяла белый прямоугольник. Конверт был скреплен воском, но отпечаток на нем отсутствовал, а лист бумаги внутри — не подписан. В записке лаконично сообщалось, что во время штурма дворца в Дионе я по собственной воле позволила архимагу Арлиону Этари скрыться от правосудия, а в качестве доказательства предлагалось спросить лично меня.

Первая мысль, которая меня посетила, — кто об этом узнал? Кому удалось подслушать наш с Арлионом разговор и кто видел, как я дала архимагу спокойно уйти через потайной ход? Кто изучил мой характер настолько хорошо, что понял: я не смогу во второй раз соврать Адриану?!

— Зачем? — Сухой, как будто незнакомый голос напугал меня еще больше, и я, оторвавшись от злосчастной записки, перевела взгляд на архивампира. С виду он оставался спокойным — его лицо не выражало никаких эмоций — но я знала его уже достаточно хорошо, чтобы понимать, что это лишь маска, и мне было страшно представить, что под ней скрывалось.

— Я должна была это сделать, — сквозь зубы сказала я, прекрасно понимая, каким жалким может показаться такой ответ. Что ж, кажется, мы наконец-то подошли к вопросу, который беспокоил меня все эти две недели.

— Из родственных чувств? — иронично осведомился Адриан, прежде чем я успела придумать, как бы мне перевести

разговор на бывшего советника его отца, спровоцировавшего начало Кровавой войны, и которому собрался мстить Арлион. — Ты с ума сошла?

— Арлион лишился сил! Он больше не архимаг и лично тебе вреда причинить уже не сможет! — В данном споре это был мой главный аргумент, который почему-то сейчас прозвучал на редкость неубедительно.

— Да когда его это останавливало?! — Архивампир раздраженно выдохнул, давая выход своей злости. Напряжение в комнате сгустилось, и у меня мелькнула неуместная мысль открыть окно, поскольку в спальне вдруг стало нечем дышать. — В прошлый раз он вообще был мертв, и тем не менее нашлись те, кто его воскресил! А в этот раз он просто найдет себе новых сторонников, и они будут выполнять за него всю грязную работу...

— Он не будет их искать, потому что помимо тебя есть всего один вампир, которого он хочет убить, он сам мне сказал! — выпалила я, не в силах больше молчать. — И, если быть откровенной, я считаю, что этот вампир заслужил смерть!

После небольшого молчания, когда Адриан удивленно смотрел на меня, он спросил:

— И кто же это?

— Лэ... Филипп Лэнгстон.

— Бывший советник? О, понимаю. — Я ждала вопросов, но вместо этого архивампир презрительно усмехнулся. — Лэнгстон в свое время приложил множество усилий, чтобы предотвратить Кровавую войну, а впоследствии — чтобы остановить Арлиона, и мой отец всегда считал его другом. Поэтому Арлион решил от него избавиться?

— Это Лэнгстон пытался предотвратить Кровавую войну?! — От изумления я забылась и невольно повысила голос. Перед глазами как наяву возникло бездыханное тело Исабелы и мертвые от горя лица Арлиона и Магнуса, и от этой картины мои руки затряслись. — Адриан, ты ничего о нем не знаешь! Сто лет назад именно Лэнгстон организовал заговор против твоего отца, он подталкивал обе страны к войне!

— Неужели? — саркастически спросил Адриан, и я поняла, что он мне не поверил. — Тогда какой резон Арлиону его уби-

вать, если у них была одна цель? Один организует заговор, а другой убивает королеву?

Секунду я смотрела на него, и, должно быть, было в моем взгляде что-то такое, из-за чего на лице архивампира вдруг отразилась тревога.

— Арлион не убивал твою мать, — наконец тихо сказала я. — Это сделал Лэнгстон.

В тот же самый момент я поняла, что перегнула палку. Загрохотала запретную тему и произнесла именно то, чего лучше было бы вообще никогда не говорить. Глаза Адриана превратились в куски темно-серого льда, и, когда он посмотрел на меня, я невольно отшатнулась назад: выражение его лица было по-настоящему жутким. Все-таки, несмотря на то, как сильно изменились за это время наши отношения, предрассудки против Этари по-прежнему были сильны, и Адриан не был готов услышать новую правду, и уж тем более — принять ее.

— Это Арлион так промыл тебе мозги? — спросил архивампир таким нечеловеческим тоном, что мне впервые за все время стало реально страшно.

«Соври!» — во весь голос завопила интуиция, но я, словно под гипнозом, медленно покачала головой:

— Нет. Я это просто знаю.

— Просто знаешь, — повторил он и усмехнулся. Черты лица Адриана заострились, и оно теперь походило на человеческое лишь отдаленно. — Что ж, это был отличный план. Ты собралась по очереди настраивать меня против приближенных? Остроумно. И, главное, как раз в духе твоей семьи. Только ты просчиталась и взялась за дело слишком быстро. Еще несколько месяцев тебе стоило подождать.

— Что?! — Я изумленно вскинула брови, меньше всего ожидая подобного обвинения, и, позабыв, что Адриан сейчас вновь походил на архивампира-правителя, который ненавидел меня два года назад, шагнула к нему. — Это абсурд!

— В самом деле? — Он отстранился, когда я попыталась взять его за руку, и я дернулась, как если бы он меня ударил. — Сначала ты позволила самому кровавому архимагу в истории сбежать, а сейчас пытаешься очернить вампира, ко-

торый всегда был предан престолу, и думаешь, что это сработает? Только у тебя ничего не выйдет.

Он резко повернулся ко мне спиной и направился к дверям. Растерянная, я не знала, что делать, и сделала несколько шагов следом за ним, будто рассчитывала его вернуть. На пороге Адриан ненадолго остановился.

— Возвращайся в академию как собиралась, Корделия. Виктор откроет вам с Люцием завтра портал.

— Адриан, подожди! — крикнула я, ощущая, как в груди медленно разливается удушающая пустота, грозящая задавить меня целиком, и голос из-за этого прозвучал очень тонко. Или это просто слезы подступали?

Этого не может быть. Это все происходит не со мной, а с кем-то другим. Этот мужчина не мог так со мной поступить после всего, что с нами случилось!

— Это не просьба, а приказ, — голос холодный, как зимняя стужа, и тон... точно я говорила с королем, а не с мужем.

Дверь за ним закрылась, и я осталась одна посреди комнаты.

Полночи я просидела на кровати, не гася свет, и ждала, когда вернется Адриан.

Но он так и не пришел.

ГЛАВА 3

До утра я пролежала на кровати поверх одеяла и равнодушно смотрела, как ночная тьма за окном сменялась серыми сумерками. Мысли текли медленно, вяло, тяжело и своей беспросветностью напоминали мне смолу. Временами мне казалось, что эта вязкая черная жижа затопит меня целиком и я в ней попросту задохнусь. Остаток ночи я провела то проваливаясь в недолгий тревожный сон, то находясь в полубодрумствующем состоянии, когда реальность видится как будто через плотную туманную пелену.

Я же с самого начала знала, что он мне не поверит. И все тянула, тянула с этим разговором, никак не могла его начать... Выходит, правильно делала? Всю свою жизнь, все свои сто восемь лет он был твердо уверен, что Исабелу убил Арлион, и

ему должна была показаться дикой сама мысль о том, что главным злодеем в этой истории был не безумный темный эльф, а вампир, чья преданность всегда казалась неоспоримой... И доказательств у меня никаких нет. Есть сны-воспоминания, но я не настолько владею ментальной магией, чтобы показать их Адриану, а без подтверждения одного моего слова будет явно недостаточно. Но почему? Выходит, Адриан все же не настолько мне доверяет, как утверждал раньше? Или я коснулась темы, которая в такой мере болезненна, что лучше бы ее никогда не поднимать?

Так что Лэнгстон может спать спокойно, мрачно усмехнулась я и перевернулась на другой бок. Его благополучию ничто не угрожает, и даже тот факт, что я стала невольным свидетелем случившегося, ничего не изменит.

Тогда почему Арлион был так уверен, что бывший советник Магнуса предпримет шаги к моему устранению? И хотя прошло уже две недели с тех пор, как были улажены дела с Валенсией, и жизнь вернулась в более или менее спокойное русло, я не заметила ничего, что могло бы как-то мне угрожать. Сам Лэнгстон даже не появлялся в столице и почти все время проводил в своем загородном имении, а его земли, кстати, граничили с герцогством фон Некер, как при мне упомянула как-то герцогиня Катерина. Тогда же она добавила, что это было странно, поскольку Лэнгстон всегда предпочитал жизнь в столице, даже после отставки, и его неожиданное затворничество, начавшееся в начале этого лета, многим аристократам показалось непонятным.

Так что же он мог бы предпринять против меня? Самое плохое, случившееся за это время, — ссора с Адрианом, но что-то я сомневаюсь, что она могла быть как-то спровоцирована Лэнгстоном. Адриан удивился, когда я назвала его имя, значит, не советник подошел к нему с предложением вызвать меня на откровенный разговор.

Мысли, медленно крутившиеся уже который час по одному кругу, снова потекли со стремительной скоростью. Анонимное письмо, которое прислали Адриану. Кто мог подслушать наш с Арлионом разговор? Я помню, что в коридоре в тот момент находились стражники-вампиры, которые пре-

следовали архимага, и уж они бы не стали подслушивать, а сразу вломились в комнату. Но ведь есть еще потайной ход, он начинался в той самой гостиной... Может, кто-то находился в тоннеле и все слышал? Но зачем ему так подставлять меня, если, конечно, там не прятался сам Лэнгстон?

Впрочем, последний вопрос был чересчур наивным. И так понятно, что после того как Кэллахил перешел к Вереантеру, в Валенсии меня проклинают всеми возможными способами. Находишься в потайном ходе Мариус или кто угодно из моих родственников, — а их же успели увести в безопасное место с поля боя! — и он без малейших угрызений совести попытался бы испортить мне жизнь.

Но на какой эффект рассчитывал этот неизвестный, отправляя свое письмо? Что архивампир разозлится до такой степени, что казнит провинившуюся супругу? Подобный шаг был совсем не в духе Адриана, он никогда не рубил сплеча, а предпочитал сначала все обдумать. Но надо признать — во время нашего злополучного разговора Адриан не слишком походил на того, кто уже просчитал свои дальнейшие шаги. Письмо явно застало его врасплох и, если учесть, что часом ранее он вернулся из вереантерской провинции, а до этого все было прекрасно, послание он прочитал именно за этот час до того, как пришел ко мне. Тогда на что был расчет? Архивампир в приказной форме велел мне покинуть не то что столицу, а Вереантер вообще — по сути, отправил в ссылку на неопределенный срок. Какая от этого может быть выгода моему недоброжелателю? Ведь в академии добраться до меня будет не так-то просто, да и Люций защитит меня. Так что вряд ли кто-то хочет моей смерти. Значит, дело в том, чтобы просто испортить мне жизнь?

Ну погодите, родственнички, если это вы, я вам такое устрою... Потеря Кэллахила по сравнению с этим покажется вам просто летним бризом на фоне надвигающегося на рыбацкую деревушку урагана.

Но ведь... в некотором роде я это заслужила, да? Внутри меня медленно, словно кофе на огне, начало подниматься чувство вины, заглушившее обиду и смятение. Я же с самого начала знала, как важно для Адриана остановить Арлиона, и

тем не менее добровольно отпустила его, даже не сделав попытки помешать. Это ли не предательство?

Быстрый стук в дверь и раздавшееся следом жизнерадостное: «Доброе утро, ваше величество!» заставили меня удивленно приподнять голову. Сюзанна тем временем проворно раздвинула шторы, и комнату залил утренний свет. И сразу оказалось, что ночь давно прошла, конец света не настал, и жизнь потекла полным ходом дальше. Камеристка выглядела такой же приветливой, как всегда, и я некоторое время удивленно за ней наблюдала: все еще не придя в себя после ссоры, я была абсолютно уверена, что уже весь дворец был осведомлен, что королева попыталась оклеветать честнейшего и преданнейшего королевского советника, пусть и бывшего. Увидев, что я лежу поверх одеяла, Сюзанна всплеснула руками.

— Ваше величество, вы не замерзли?

— Нет. — Голос звучал сипло после слез, и я прокашлялась. В голове снова зазвучали последние слова Адриана, и мне пришлось приложить определенные усилия, чтобы выглядеть спокойной. — Сюзанна, собери мои старые вещи. Я возвращаюсь сегодня в академию. И найди мне Люция.

— Вы здоровы? — Камеристка пристально взглянула на меня, и ее лоб озабоченно нахмурился.

— Со мной все в порядке. Иди.

Сюзанна присела на реверансе и наконец-то убралась с глаз долой, а я выдохнула и крепко зажмурилась. Ничего, осталось не так долго. Сейчас камеристка уложит мои сумки, придворный маг откроет нам с Люцием портал, мы покинем Верантер, и больше не нужно будет ежесекундно напоминать себе о необходимости «держать лицо».

Хотя нет, не так. Если я вернусь в академию, уж там-то я должна буду выглядеть невозмутимой и уверенной в себе, чтобы мои недоброжелатели не усомнились в том, что за моей спиной стоит весь Верантер и потому лучше держаться от меня подальше. А то ведь, если узнают, что меня попросту отослали прочь, плохо мне придется...

Пройдясь в задумчивости по комнате, я обнаружила, что остановилась около зеркала, и после паузы посмотрелась в него. Плоская поверхность отразила мою «неземную» красо-

ту — спутанные кудрявые волосы, бледную физиономию, покрасневшие от слез и бессонной ночи глаза и мешки под ними.

Хороша сверх всякой меры, нечего сказать.

И ведь я-то отправлюсь в академию, а Адриан останется в компании леди Элис, которая как пить дать бросится его утешать. И как он поступит? Насколько сильно он на меня рассердился?

Вернулась Сюзанна с подносом и, пока я пыталась есть и давилась буквально каждым куском, собрала в гардеробной мою одежду, а затем вернулась в комнату и принялась укладывать прочие мелочи — щетку для волос, расческу, мыло, зеркальце. Доев, я достала из ящика туалетного столика кожаный мешочек и потрясла его. В деньгах я в своем новом положении ограничена не была, но до сей поры у меня не было крупных трат, и приличная сумма, выданная мне неделю назад казначеем, оставалась почти нетронутой. Раздался приятный звон, и я сунула мешочек в карман старой куртки, которую сейчас собиралась надеть. Конечно, надолго этих денег не хватит, но, находясь в академии, вряд ли я смогу потратить их быстро.

Сарды и парные кинжалы последовали в одну из сумок, и Сюзанна вынесла их в гостиную. Едва я вошла туда, как в дверь постучали. Мое сердце совершило кувырок, но вошли лишь Люций и мажордом. Мой учитель был одет по-дорожному, и на меня он посмотрел сдержанно-вопросительно, а мажордом с поклоном сообщил:

— Господин архимаг ожидает вас.

Как оказалось, Виктор ждал во внутреннем дворе — мне было позволено отправиться в академию верхом. Словно под конвоем — мажордом впереди, Люций и Сюзанна с вещами сзади — меня провели сначала к конюшне, где нас с Люцием дожидались две оседланные лошади. Потом конюхи с поклонами удалились и остался один Виктор. Увидев меня, он вежливо поздоровался, а я окончательно убедилась, что Адриан пока никому не рассказывал о случившемся и, судя по всему, только поставил в известность о моем отбытии тех, кого необходимо, не объясняя причин. Архимаг бросил на меня встре-

воженный взгляд, а я с новым приливом обреченности подумала, что скоро лишусь тех крох уважения, которое успела заработать у приближенных Адриана. Семья Оттилии относилась ко мне хорошо, да и с Виктором мы из состояния вооруженного нейтралитета перешли к нейтралитету обычному, а теперь, как только они все узнают, что я сделала, снова начнут меня презирать. Жаль. Расположение именно этих вампиров было действительно обидно терять.

Адриан так и не показался, и Виктор открыл нам портал. Люций помог Сюзанне закрепить сумки у седел, и мы верхом направились к открывшемуся посреди двора иссиня-черному провалу. Краткий миг полной темноты — и мы обнаружили себя у крепостной стены Адэра неподалеку от городских ворот. Портал закрылся, и через секунду уже ничто не напоминало о том, что мы были в Бэллиморе. Словно время повернулось вспять, и я снова воротилась на два года назад, когда осталась сама по себе.

Простояв минут пятнадцать в очереди желавших попасть в город и заплатив за право прохода две серебряные монеты стражникам, мы въехали в Адэр. День выдался обычный, не базарный, на улицах было не слишком многолюдно, и по знакомому маршруту мы вскоре добрались до темно-серой стены академии. Всю дорогу Люций молчал, каким-то непостижимым образом угадав, что я сейчас не стану ничего обсуждать.

За ворота нас пропустили неожиданно быстро — дежуривший там студент-привратник, как выяснилось, был предупрежден о нашем прибытии и только напомнил мне зайти к декану. Едва въехав на территорию академии, мы сразу спешили и повели лошадей к конюшне. До нас доносились многочисленные страдальческие стоны и командирский зычный голос — во дворе перед академией магистр Дорн уже всю гонял каких-то несчастных студентов со стихийного факультета. Пятиэтажное здание с красной крышей, построенное в форме своеобразной звезды, было таким же величественным, утреннее осеннее солнце освещало пока еще зеленую траву, и роса блестела, и небо было потрясающе прозрачным, каким оно бывает только в начале осени, и мне вдруг стало легче на душе.

Обогнув занимавшихся студентов по широкой дуге, чтобы избежать лишнего внимания, мы отправились сразу к крылу, в котором располагался боевой факультет. Занятия были в разгаре, и по дороге нам встретились лишь два аспиранта и незнакомый студент, а уж в коридоре у кабинета Вортона и вовсе царили тишь да гладь. Глубоко вздохнув, — предсказать заранее реакцию декана на мое возвращение у меня не получалось — я постучалась и, дождавшись разрешения, толкнула тяжелую дверь. Вортон сидел за столом в окружении бумаг и при нашем появлении даже не поднял головы.

— А, ваше величество, — на меня он по-прежнему не смотрел, и голос звучал равнодушно, но тем не менее о моем появлении ему уже было известно, — рано вы, мы вас только через несколько дней ждали...

Я молчала, и спустя несколько секунд Вортон оторвался от бумаг и смерил меня задумчивым, внимательным взглядом. Уж не знаю, что он видел, но внезапно его лицо слегка оттаяло и стало более человечным.

— С возвращением, — сказал он нормальным тоном, и я поняла, что он готов видеть во мне не просто Этари или королеву, а студентку своего факультета. — Не буду тратить время на формальности и сразу спрошу: несмотря на раннее возвращение, все наши предыдущие договоренности остаются в силе?

— Да.

— Хорошо. — Он кивнул и перешел на деловой тон. — Значит, так, о том, кто ты, известно только преподавателям. Студенты ничего не знают. Так что ты будешь продолжать использовать свое старое имя, и вся твоя жизнь в академии будет такой же, как раньше. Твоему телохранителю, — он бросил взгляд в сторону Люция, — мы выделим комнату при факультете. Только предупреждаю сразу: стычки между темными и светлыми по-прежнему неизбежны, и я не хотел бы, чтобы какого-нибудь светлого идиота убили только потому, что он косо на тебя посмотрел. Это понятно?

— Вполне, — пожала плечами я. Люций ничего не сказал, но склонил голову в знак согласия.

— Отлично, — удовлетворенно кивнул Вортон. — Окружающим мы решили говорить, что ты собралась замуж за знат-

ного вампира и до свадьбы он приставил к тебе телохранителя — чтобы не возникло ненужных вопросов. Тогда сейчас можешь отправляться в общежитие, а потом и в библиотеку за учебниками. Начало учебного года ты пропустила, но нагонишь без труда. К тому же занятия по некромантии начнутся только со следующей недели. Расписание висит в коридоре, на физическую подготовку ты по-прежнему можешь не ходить, лекции можешь посещать хоть с сегодняшнего дня. Все, можешь идти.

Взглянув на свою правую руку, я сформировала простые чары невидимости, и обручальное кольцо пропало с пальца. Декан же устало потер переносицу и тоскливо покосился на кипу бумаг, которые изучал до нашего прихода. Но прежде чем он вернулся к ним, в дверь снова постучали, и в кабинет вошел магистр Лэшел, загоревший за лето и несколько не утративший своего обаяния. Как и Вортон, Лэшел был одет в привычный фиолетовый балахон, длинные волосы собраны в хвост, оставляя открытым молодое, почти мальчишеское лицо, а в ухе качалась серьга — коготь мантара на цепочке. Но едва магистр увидел меня, как добродушное выражение словно стерли с его лица, карие глаза похолодели, и весь облик моего преподавателя стал выражать сдержанное презрение. Выдавив что-то в ответ на мое приветствие, он повернулся к Вортону и уже не обращал на меня внимания, будто меня не было.

Да уж... Со всеми этими треволнениями последних месяцев я и забыла, что я в первую очередь трейхе Этари, и преподавателям теперь об этом известно... И если Лэшел, который всегда неплохо ко мне относился, так резко отреагировал на мое появление, как поведут себя светлые маги, обычно не отличающиеся излишней сдержанностью?

Обидно, конечно. Лэшел мне нравился, и его неприязнь задела меня сильнее, чем мне бы того хотелось.

Кивком Вортон разрешил нам с Люцием идти, и мы вместе покинули кабинет. Решив не тратить время, я сразу направилась в библиотеку, попутно показывая Люцию, где что находится. В факультетской библиотеке мне выдали очередную кипу книг, которую я решила изучить позже. Люций, не дожидаясь моей просьбы, подхватил почти всю стопку, оставив

мне буквально пару томов, и мы отправились в крыло, где располагалось общежитие. Там мы вместе поднялись на нужный этаж и зашли в хорошо знакомую мне комнату, в которой я прожила весь первый курс. На письменном столе уже лежали учебники по прорицанию, а на стуле у кровати я заметила знакомый голубой плащ, но сама комната была пуста. Значит, Бьянка сейчас на занятиях. Люций положил книги на свободную половину стола — я в это время закрыла за нами дверь — и повернулся ко мне. Невозмутимое выражение пропало, и сейчас он казался скорее обескураженным.

— Что произошло? — хмуро спросил он.

— Мы просто отправились сюда на несколько дней пораньше, — буркнула я. Потом поймала взгляд Люция — высший вампир не мигая смотрел на меня — вздохнула и нехотя сказала: — Мы с Адрианом поссорились.

Люций вздернул бровь и прислонился к дверному косяку, скрестив руки на груди, но ничего не сказал, ожидая продолжения.

— Ну что ты так на меня смотришь? — сердито спросила я, не желая делиться подробностями. — Идеальных браков не бывает! Все иногда ссорятся!

— Ссорятся — это не разговаривают друг с другом в течение максимум пары дней или что-нибудь в этом духе, — наконец соизволил уточнить мой учитель. — А не скоропалительно отправляют в другую страну.

Неразговорчивость Люция была мне хорошо известна, но именно сейчас это выглядело так, что уйти от ответа представлялось невозможным. Впрочем... Я теперь не имею понятия, как сложится моя дальнейшая судьба, и уж Люций имел право знать, во что ввязался.

— Если говорить кратко, то я с сегодняшнего утра нахожусь в опале. — Я вздохнула и села на край своей кровати. — Точнее, со вчерашнего вечера.

— Могу я узнать причину? — с безукоризненной вежливостью осведомился вампир, поскольку я снова замолчала.

— Нет, — поморщилась я. — Ты мне все равно не поверишь. Даже Адриан не поверил...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. УДАР В СПИНУ	8
Часть вторая. КОНЕЦ ПУТИ	168
<i>Эпилог</i>	339